

Лариса Королева, Алексей Королев

Татары-мусульмане Пензенской области: взгляд в советское прошлое (1940–1980-е гг.)

Лариса Александровна Королева
Пензенский государственный
университет архитектуры
и строительства

Алексей Александрович Королев
Пензенский государственный
университет архитектуры
и строительства

Татарское население Пензенского края в основном традиционно исповедовало ислам. В 1940–1980-х гг. в области было 45 татарских сел в 13 районах. Отечественная война способствовала активизации религиозной жизни в СССР, что в определенной мере было обусловлено либерализацией государственно-церковных отношений в целом. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачев отмечал: «В деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ <...> необходимо отметить некоторое их оживление и активизацию в области расширения своего влияния на окружающее население» [ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 104]. Уполномоченный подчеркивал в докладе Совету по делам религиозных культов, что практика местных мусульманских общин «направлена, главным образом, на поддержание религиозных устоев, на регулярное отправление молитвенных собраний, на выполнение всех религиозных об-

рядов населением, <...> на сбор денежных средств для поддержания в порядке молитвенного здания, на большее вовлечение населения в число верующих, и особенно молодежи» [Там же. Д. 97. Л. 1]. Следует отметить, что мусульманские объединения в решении поставленных задач добились значительных успехов.

В середине 1940-х гг. в исследуемом регионе было зарегистрировано 14 мусульманских религиозных обществ, в каждом из которых насчитывалось около 3500–4000 верующих. Общее количество мусульман в Пензенском крае составляло свыше 20 000 чел. К середине 1960-х гг. количество зарегистрированных общин сократилось на одну; религиозных мусульманских общин, не имевших разрешения органов государственной власти, насчитывалось 22 [Там же. Д. 1. Л. 545]. Мусульманские общины находились в ведении Духовного (Центрального) управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (г. Уфа).

По материалам социологического исследования, проведенного в Пензенской области в конце 1960-х гг., среди татарского взрослого населения верующим был каждый второй [Там же. Д. 49. Л. 392]. По степени религиозности уполномоченный Совета по Пензенской области условно подразделял все местные населенные пункты на три уровня: 1) повышенная степень религиозности — Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань Городищенского района, Кобылкино Каменского района, Кочелейка Головинщенского района, Индерка Сосновоборского района, Большой Труев Кузнецкого района. Население данных населенных пунктов характеризовалось стабильно высокой религиозной активностью, доминирующим содержанием мужчин среди верующих и т.д.; 2) умеренная степень религиозности — Малый Труев, Татарский Канадей, Бестянка Кузнецкого района, Демино Неверкинского района. Одна из характерных черт данных сел состояла в том, что «молодежь <...> мечетей не посещает, а если и бывают отдельные случаи посещения молодежью мечетей, то они весьма незначительны, не массовы», что не всегда соответствовало действительности [Там же. Д. 1. Л. 545]; 3) относительно низкая степень религиозности — Татарский Шелдаис Беднодемьяновского района, Татарское Никольское Пачелмского района, Татарская Пенделка Кузнецкого района, Бигеево Неверкинского района. В этих селах наблюдалась более низкая посещаемость мечетей верующими, в основном пожилых и средних возрастов, хождения на кладбища не носили массовый характер и т.п. [Там же. Л. 392].

Основной состав верующих-мусульман — мужчины и женщины пожилого и преклонного возраста от 55 лет и старше,

главным образом крестьяне-колхозники. Уполномоченный С.Д. Горбачев отмечал, что «другие слои населения (кустарь-ремесленники, рабочие и интеллигенция) стоят от религиозности как бы в стороне» [Там же. Л. 42].

Именно верующие мусульмане мужского пола преклонного возраста, сельчане, являлись главными «проводниками» веры. Житель с. Татарский Шелдаис 80-летний И. Уразгильдяев подчеркивал: «Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы совсем не выполнялись» [Там же. Д. 5. Л. 26]. При разборе зданий мечети в 1946 г. в с. Алееве имели место столкновения верующих-стариков с рабочими, разбиравшими постройки: старики кричали и бросали в рабочих камни [Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103]. Данная тенденция нашла свое отражение и в составе мечетных «двадцаток», подавляющее количество членов которых являлись малограмотными людьми, с образованием в пределах четырех классов, не судимыми ранее, получавшими пенсию, имевшими различные правительственные награды, т.е. людьми достаточно уважаемыми [Там же. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 5].

Мусульмане весьма активно подавали прошения об открытии мечетей, особенно в послевоенный период. Только в 1946 г. на имя уполномоченного поступили ходатайства об открытии мечетей из 17 татарских селений [Там же. Л. 108]. Опять же, именно люди пожилого возраста выступали инициаторами обращений в партийные и государственные организации с просьбами об открытии культовых зданий [Там же. Д. 5. Л. 26], причем их послания отличались особой эмоциональностью. В апреле 1956 г. на имя председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина и первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева поступили заявления от «уполномоченного коллектива верующих граждан» с. Средняя Елюзань И.А. Альбекова: «Мы, старики, <...> решили обратиться к Вам с убедительной просьбой дать соответствующее распоряжение, кому следует, на открытие в селе <...> мечети № 1 прихода для совершения богослужб нам, труженикам сельского хозяйства, вкладывавшим свой труд десятилетиями лет. Даже не соизволил он [Сталин. — Л.К., А.К.] прислать нам ответа на наши неоднократные к нему ходатайства об этом. Теперь, в связи с его смертью, мы вновь решили обратиться к вам. <...> Надеемся, что наша просьба тружеников полей не останется пустым гласом вопиющего в пустыне» [Там же. Д. 18. Л. 269-об.].

В послевоенный период около 15–20 % всех посещавших мечеть составляли демобилизованные. «Прибывшие из армии более молодые возрасты населения, традиционно соблюдая

свое уважение к старшим и под влиянием их, начали посещать мечети», — отмечал уполномоченный Совета по Пензенской области [Там же. Д. 1. Л. 108]. Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований после войны была подведена своего рода «идеологическая база» — отдать долг Аллаху, который хранил и помогал последователям веры в лихую годину. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Такая практика была вскоре прекращена уполномоченным Совета, поскольку она способствовала значительному подъему религиозности татарского населения области.

Наиболее распространенными религиозными обрядами у пензенских татар-мусульман являлись: похороны, отпевание — *джаназа*; религиозное бракосочетание — *никях*; наречение имени новорожденному — *исим*; обрезание — *суннет* (*суннат*) [Там же. Д. 49. Л. 412].

Молитвенные собрания и общественные намазы в праздники посещало до 10–12 тыс. чел. [Там же]. Религиозные отправления при наличии мечети проводились, как правило, в храме, а незарегистрированными общинами — на кладбищах [Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 58; Д. 5218. Л. 10; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 56; Д. 59. Л. 3; Д. 101. Л. 3]. В дни особо почитавшихся религиозных праздников в селах Пензенской области наблюдалось посещение мечетей молодыми людьми в возрасте от 17 до 25 лет; среди молившихся молодежь составляла до 20 %. Данная тенденция вызывала весьма серьезную тревогу у уполномоченного Совета по Пензенской области [ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 162, 163, 204–343]. С конца 1960-х гг. молодежь стала гораздо активнее участвовать в праздничных молениях [Там же. Л. 570].

Часто в дни религиозных празднований и по пятницам верующие не выходили на работу. Так, на Курбан-байрам в 1948 г. в селах Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань Чаадаевского района; Старый Карлыган, Суляевка Лопатинского района «прогуливали» не только колхозники, но и руководство; наряды не выдавались. В 1949 г. в колхозе «Двадцать первая годовщина Октября» в с. Исикеево Неверкинского района в дни праздника Курбан-байрам на полевые работы не вышел ни один колхозник, в том числе и руководители [Там же. Л. 52, 108, 162]. В 1955 г. на Ураза-байрам в с. Решетино Головинщенского района в течение трех дней рабочий день длился до 13–14 ч.; в с. Усть-Уза Шемьшейского района трудоспособные колхозники вообще не работали [Там же. Д. 49. Л. 412]. В 1960 г. в с. Верхняя Елюзань Городищенского района

рабочие строительной бригады и бригады, занятой на работе в овощехранилище, не вышли на работу в пятницу [Там же. Д. 1. Л. 570].

Со второй половины 1960-х гг. случаи уклонения населения от выхода на работу по религиозным мотивам практически прекратились. Однако даже в середине 1970-х гг. в дни религиозного поста «Уразы» закрывались в некоторых селах под различными предлогами, например ремонта, столовые, пищеблоки на полевых станах, не работали клубы и библиотеки [Там же]. Во время поста сокращалось количество детских завтраков, которые заказывались в школах учениками, особенно в старших классах.

Серьезной проблемой был отказ от услуг системы здравоохранения. Многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. Еще хуже в татарских селах складывалась ситуация с больными туберкулезом. Основная их масса не лечилась, утверждая, что данное заболевание — «болезнь от бога». В связи с этим работники медицинских пунктов проводили особую разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями на темы «О женских болезнях», «О борьбе с летними детскими заболеваниями», «О трахоме и борьбе с ней» и т.д. [Там же. Д. 5. Л. 130].

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись и от посещения кино, собраний, участия в художественной самодеятельности и т.п. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещают своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам» [Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4714. Л. 19]. Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела и не была до этого знакома, а следовательно, вопреки ее желанию» [Там же. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 253]. Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола [Там же. Д. 77. Л. 320].

В 1960–1970-е гг. значительно вырос престиж религиозного образования. Село Средняя Елюзань фактически стало постоянным поставщиком служителей мусульманского культа. За первую половину 1970-х гг. из этого села поступили учиться

в духовное медресе Бухары пять выпускников местной средней школы: А. Бибарсов, А. Дебердеев, Д. Панчеев, А. Бикмаев, А. Юнкин [Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 66]. В 1975 г. заявил о своем желании сделать духовную карьеру член ВЛКСМ Р.М. Мальков, 1956 г.р., окончивший Средне-Елюзанскую среднюю школу [Там же. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108]. В тех условиях это был просто вопиющий факт слабости всей атеистической работы: в СССР указанное село было единственным по такому количеству молодежи, которая предпочла духовное образование светскому [На Пензенской земле 2002: 6]. Значительную работу в этом направлении проводили местные имамы, заблаговременно объявлявшие о приеме в медресе и готовившие к поступлению желавших учиться юношей.

Семья, продолжение потомства трактовались как фундаментальные ценности ислама. Татарские семьи в сельской местности были многодетны. Уполномоченный Совета по области объяснял это следующим образом: «Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность» [ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 281]. Как следствие, татарское население в Пензенском крае, в отличие от других национальных общностей, стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода [Пензенская область 1987: 6].

Ислам выполнял регулятивную функцию, что по-своему понимало верующее население, которое выступало за активное приобщение к вере молодежи. Сами мусульмане-верующие говорили: «Мы все ходим в мечеть, и наши дети будут ходить в мечеть. Мы без религии не можем. Она помогает людям, причащает их к дисциплине и порядку. Вот <...> начнется “рамазан”, и все мужчины бросят курить и пить водку. Разве это плохо?» [ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 409].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.С. Попов весьма объективно оценивал сложившуюся ситуацию: «Религиозным движением охвачено около 50 % всех мусульманских населенных пунктов. В отношении роста религиозного движения среди мусульман можно сказать, что он, видимо, еще будет» [Там же. 1. Д. 1. Л. 51]. Ценности ислама отвечали обыденным запросам верующих, способствовали укреплению семьи, ведению здорового образа жизни, формированию трудолюбия и т.д.

Пензенские мечети (возведены с 1875 по 1908 гг.) являлись своего рода универсальными культовыми зданиями. В 1940-х гг.

при 11 (из 14) мечетях имелись минареты [Там же. Д. 18. Л. 124]. Исламское духовенство было представлено муллами (имамами) и муэдзинами (последние появились в 1960-х гг.). Численность духовенства в послевоенное время резко увеличивалась, затем до середины 1980-х гг. оставалась достаточно стабильной [Там же. Д. 1. Л. 51].

Главными проблемами мусульманского духовенства были преклонный возраст имамов, отсутствие мулл в некоторых селах и недостаточный уровень их образования. Из зарегистрированных мулл ни один не являлся работником какого-либо предприятия или совхоза; мало у кого имелся стаж духовной деятельности до революции 1917 г.; в основном они исполняли обязанности священнослужителей с 1941 г.; все были старше 60 лет; около 35 % имамов имели среднее образование, остальные — начальное; духовное высшее образование имелось у 5 %, у 10 % — среднее духовное, 45 % освоили низший уровень духовного образования, 15 % мулл не имели никакого духовного образования [Там же. Д. 29. Л. 230].

В связи с преклонным возрастом мусульманского духовенства многие из мулл не выступали с религиозными проповедями, ограничивались поздравлениями верующих с праздниками и пожеланиями благополучия и мира [Там же. Д. 26. Л. 183]. Служители мусульманского культа сознавали, что без преемственности поколений нет будущего ни у одной мировоззренческой системы, в связи с чем мусульманское духовенство стало уделять пристальное внимание приобщению к вере в Аллаха детей, подростков, юношей. «Работа в данном направлении облегчалась сохранением в ментальности населения привычки следовать вековым народным традициям» [Там же. Д. 77. Л. 325]. Так, с конца 1940-х гг. со стороны отдельных представителей мусульманского духовенства отмечалось стремление к организации преподавания ислама в мечетях для подрастающего поколения. Мулла с. Индерка Сосновоборского района Ахмиров ставил вопрос об организации религиозного обучения детей при мечети, в чем ему было отказано [Там же. Д. 1. Л. 257].

Во второй половине 1940-х гг. для мусульман СССР произошло огромное по значимости событие — правительство разрешило паломничество советских мусульман в Мекку. От Пензенской области в результате тщательного отбора была предложена кандидатура Я.С. Юсупова, 1880 г.р., мухтасиба [Там же. Д. 28. Л. 182]. Кроме Я.С. Юсупова звание «хаджи» (совершившего паломничество в Мекку) имели имамы А.А. Бикмаев, А.Х. Юнкин и неторые другие [Там же. Д. 2. Л. 173].

Начиная с 1950-х гг. мусульманское духовенство пыталось «модернизировать свое религиозное учение и вопреки ранее принятым обычаям открыто стало привлекать женщин-татарок в мечети» [Пензенская энциклопедия 2001: 168]. Мухтасиб Я. С. Юсупов поощрял это, считая, что запрещение Корана в данном отношении устарело, поскольку именно через семью, через женщину идет воспитание религиозного убеждения. Мулла, которые уклонялись от привлечения женщин в мечети, он называл «твердолобыми» [ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 132]. В мечетях сел Большой Труев, Татарский Канадей, Бестянка Кузнецкого района были оборудованы специальные молельные комнаты для женщин [Там же. Л. 85]. Один из представителей мусульманского духовенства в беседе с уполномоченным по Пензенской области заявил: «Женщина является другом мужчины. Мы не можем оставить ее без нашего влияния» [Там же. Л. 131].

Уполномоченный Совета по Пензенской области С.Д. Горбачев подчеркивал, что «рассадником религиозного влияния на население и некоторую часть молодежи и детей служит семья, родственники, пожилые религиозно-настроенные мужчины и женщины, старики и, конечно, главным образом мулла, к которому верующие колхозники обращаются за совершением молитвы. Отношение верующих граждан к мулле очень почтительное» [Там же].

Служители мусульманского культа пытались оказывать стимулирующее влияние на проведение хлебозаготовок, государственных займов и т.д. Некоторые муллы (Ахмиров, Юсупов и др.) выступали с обращениями к верующим во время богослужений, призывая их активнее участвовать в решении насущных хозяйственно-политических задач [Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 117]. Отдельные служители культа стремились самостоятельно организовать помощь нуждавшимся инвалидам Отечественной войны [Там же. Д. 77. Л. 321].

Мусульманские священнослужители сознательно привлекали в состав актива общин людей, пользующихся уважением у местного населения — бывших председателей сельских советов, руководителей колхозов и т.д. «Все это укрепляло популярность мечети среди населения, позволяло церковникам в разговорах утрировать эти случаи, заявляя, что <...> “как ни живи, а под старость мечети не обойдешь”; <...> они тоже, будучи молодыми, не верили в бога, были активисты, а пришла старость, пришли в мечеть молиться богу» [Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 67].

Вывод, сделанный уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области в 1960 г., оставался акту-

альным на протяжении всего советского периода истории: «Мусульманское духовенство всячески стремится разжечь религиозный фанатизм среди населения. В этих целях муллы нередко допускают нарушение советских законов о деятельности религиозных объединений. Мусульманское духовенство пытается модернизировать свое религиозное учение» [Там же. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 130]. По замечанию уполномоченного, противостояние с мусульманским духовенством иной раз достигало такой остроты, что он вынужден был предупреждать священнослужителей: «К нарушителям советских законов о культах будут приниматься строгие меры воздействия вплоть до снятия их с регистрации» [Там же. Л. 132]. Мусульманское духовенство было властью, компетенция которой распространилась за пределы собственно религиозных вопросов.

Вопреки всем антицерковным мероприятиям советской власти запас прочности религиозных чувств в сознании граждан СССР оставался значительным. Несмотря на серьезные усилия атеистической пропаганды, силовое давление со стороны государства, религиозность татарского населения носила устойчивый характер, воспроизводилась из поколения в поколение. Основными каналами воспроизводства мусульман являлись семья и мечеть. Уполномоченный по Пензенской области подчеркивал, что «религиозными настроениями охвачена <...> значительная часть населения, религиозные пережитки сильно живучи, особенно среди женщин-татарок и людей пожилых возрастов. Требуется упорная и длительная борьба с этими пережитками, требуется большое напряжение культурно-просветительных учреждений, а такового в данное время ведется еще мало» [Там же. Д. 1. Л. 292].

Пензенские мусульмане сохранили основу традиционного образа жизни, восприняв и некоторые черты советского общества (в первую очередь – тягу к образованию, относительно свободное положение женщин). Свою религиозную практику они приспособили к труду в социалистических условиях. По мере возможности они не покидали своих деревень, отток татарского сельского населения в города был гораздо меньше, нежели русского. И в настоящее время, когда многие села и деревни Пензенской области вымирают, татарские населенные пункты многочисленны и процветают.

Подъем религиозной жизни татар исследуемого региона, как в целом в стране, начавшись во второй половине XX в., продолжается. Сегодня активизировались попытки использовать накопленный за века религиозный опыт и восстановить утраченные позиции ислама. Очевидна явная тенденция к росту числа исламских религиозных организаций: если в 2001 г. их

было зарегистрировано 50, то в 2004 г. — уже 65 [Дмитриев и др. 2004: 25]. В Пензе в 2005 г. в одном из частных домов открылся первый мактаб [Солнце Ислама 2006. № 1 (36). С. 9; Аргументы и факты. 2005. № 33. С. 2 (12)]. Пензенское общество татарской культуры «Якташлар» все активнее заявляет о себе. На центральных и региональных телеканалах проводятся программы, посвященные исламу (в рамках передачи «Беседы о религии»). При мечетях организовываются просмотры исламских фильмов («Напоминание о смерти», «Омар Аль Мухтар» и т.д.). С 1998 г. в Пензе издается газета ЕДУМ (Единого духовного управления мусульман) Пензенской области — «Солнце Ислама».

Бездуховность, затянувшийся нравственный кризис, охвативший российское общество в последнее время, с одной стороны, и повышение «легализованного» национального самосознания — с другой, обусловили возрастание интереса к религии, тягу людей к национальным ценностям, в том числе религиозным. Политические и правовые перемены российского общества ликвидировали существовавшие на протяжении десятилетий официальные и неофициальные запреты, административные гонения на верующих. В настоящее время им предоставлено право свободно исповедовать свою веру. Исторический опыт доказал, что религиозная нетерпимость, отсутствие цивилизованных отношений между властью и религиозными объединениями, религиозный фанатизм неизбежно рано или поздно приводили к общественной напряженности.

Список сокращений

ГАПО — Государственный архив Пензенской области

Библиография

Дмитриев В.И., Воробьев Е.В., Пядухов Г.А., Покшин В.В. Национально-культурные объединения и религиозные организации Пензенской области: справ. Пенза, 2004.

На Пензенской земле есть своя Америка // Молодой ленинец. 2002. № 19. С. 6.

Пензенская область в цифрах и фактах. Саратов, 1987.

Пензенская энциклопедия. М., 2001.